

Супруги спешно возвращались в город.

Фан Наньшань гнал повозку, и чем дальше они ехали, тем сильнее его грызли сомнения.

Ещё когда Сюй Шэнъи не стал разбираться с испорченными чанами на винокурне, Фан Наньшань почуял неладное.

Всю дорогу он хотел спросить об этом, но не знал, как подступиться.

У Сюй Шэнъи было чуткое сердце, и он сразу понял, что мужа что-то гложет.

Все эти дни он и сам раздумывал над тем, стоит ли открыться Фан Наньшаню.

— Спрашивай, если хочешь.

Сегодня Сюй Шэнъи не стал прятаться внутри повозки, а сел на облучок рядом с Фан Наньшанем.

Тот долго смотрел на него.

А потом спросил напрямую:

— Ты ведь заранее знал и про испорченные чаны, и про залитое зерно, так?

Сюй Шэнъи признался:

— Да.

Фан Наньшань на миг опешил, затем натянул поводья и спрыгнул на землю.

— Я не понимаю. Муж мой, скажи мне – зачем?

Сюй Шэнъи тоже спустился на дорогу. Его голос звучал ровно:

— Я не собираюсь больше держать винокурню семьи Сюй.

Фан Наньшань замер, а потом медленно повел лошадей вперед.

— То есть ты хочешь намеренно разорить её и закрыть?

Сюй Шэнъи кивнул:

— Винокурня семьи Сюй процветала лишь благодаря трудам моей матери. Но мой отец – человек слепо преданный сыновнему долгу. Он послушал бабушку и отдал половину дела старшему брату. Потом бабушка заявила, что у моей матери слабое здоровье, раз за столько лет она родила только одного гя-эра, и принялась подсовывать отцу наложниц. Моя мать просто не выдержала и ушла, сгорев от обиды.

Фан Наньшань нахмурился:

— Что за люди... и это твоя родня?

Сюй Шэнъи вздохнул.

— Мой отец – никчемный человек. После ухода матери он довел дело до ручки. В конце концов

ему ничего не оставалось, как передать управление старшему брату.

Фан Наньшань удивился:

— Брату? У тебя есть брат? Почему ты никогда не упоминал о нем?

Сюй Шэнъи опустил глаза:

— Это старший сын моего дяди. Сейчас он лечится в родовом гнезде в Чанмине. Я взял дело в свои руки только после того, как он занемог.

Фан Наньшаню показалось, что Сюй Шэнъи крайне неохотно говорит об этом кузене.

Раз уж разговор зашёл так далеко, он решил докопаться до сути.

— Чем же он заболел? — спросил он, и вдруг в голове мелькнула догадка. — Это твоих рук дело?

Сюй Шэнъи набрал воздуха в грудь, собираясь подтвердить подозрения, но Фан Наньшань перебил его:

— Не кивай. Не признавайся. И никогда больше никому об этом не говори.

Сказав это, Фан Наньшань опасливо огляделся по сторонам.

Увидев, что прискакавший с вестью работник уже скрылся вдали, он с облегчением выдохнул.

— Садись в повозку. Расскажешь мне всё по пути.

Он помог Сюй Шэнъи подняться, сел рядом, и они продолжили путь, переговариваясь вполголоса.

Сюй Шэнъи начал неспешно:

— Он заболел не по моей вине. Он сам большой любитель выпить – вот и свалился спьяну в канаву за винокурней.

Он помолчал и добавил:

— Я... я просто не стал его сразу спасать.

Сюй Шэнъи вспомнил тот морозный зимний вечер. Он пересчитывал запасы в погребе, когда услышал крики о помощи.

Когда он понял, что в канаву угодил Сюй Хэн, тот уже нахлебался воды и потерял сознание.

Первым порывом было позвать людей, но, сделав пару шагов, он остановился.

Помедлив, он всё же спустился к воде и вытянул Сюй Хэна на берег. Убедившись, что тот не утонет, он оставил его лежать на снегу у края канавы.

Лютая зима, пьяный человек в мокрой одежде пролежал на морозе добрых полчаса.

В те полчаса Сюй Шэнъи терзался страхом: боялся, что Сюй Хэн замерзнет насмерть, но ещё больше боялся, что тот отделается легким испугом и снова начнет строить козни.

Он был тогда совсем юн, и страх несколько раз едва не заставил его броситься на помощь, но каждый раз он пересиливал себя.

Лишь когда повалил густой снег, он сделал вид, что случайно проходит мимо, и позвал людей, чтобы занести Сюй Хэна в тепло.

Сюй Хэн, всегда предававшийся излишествам, и без того не отличался крепким здоровьем. После этой истории он окончательно занемог.

А поскольку Сюй Шэнъи годами помогал на винокурне и отлично знал дело, бразды правления естественным образом перешли к нему.

— В то время остальные дети были ещё малы. Когда брат слег, за делом приглядывали мы с отцом. Но отец тоже подорвал здоровье вином и утехами, так что через пару лет я стал полновластным хозяином.

Закончив рассказ, Сюй Шэнъи осторожно взглянул на Фан Наньшаня.

Он не боялся людской молвы о своей жестокости, но до смерти боялся, что именно Фан Наньшань осудит его.

Фан Наньшань немного помолчал, а потом произнес:

— Ты всё-таки слишком мягкосердечен. Не побоялся, что его спасут вовремя? Ведь поправившись, он бы точно вернулся отнимать у тебя винокурню.

Сюй Шэнъи почувствовал, как с души упал камень:

— Тебе не кажется, что я коварен и способен на убийство?

Фан Наньшань готов был сам себя поколотить – ляпнул тогда про «умысел», чтобы муж меньше тревожился, а вышло, что ранил его в самое сердце.

— Послушай, с такими родителями он и сам вряд ли был хорошим человеком. Ты наверняка многого мне не договорил, наверняка они причинили тебе немало зла.

Сюй Шэнъи вдруг улыбнулся:

— А ты не боишься, что это я – тот самый «плохой человек»?

Фан Наньшань покачал головой:

— Мы с тобой спим в одной постели. Хоть мы женаты недолго, я вижу, как ты относишься к моим братьям и сестрам. Я знаю, что ты хороший гэ-эр.

Сюй Шэнъи глубоко вздохнул:

— Сюй Хэн был старшим внуком, его всегда выделяли. Бабушка в нем души не чаяла и всё ему прощала. Пользуясь своим положением, он часто говорил, что всё наследство Сюй достанется ему одному. К младшим он всегда относился скверно, в нем не было ни капли любви к близким.

Фан Наньшань слушал, нахмурившись:

— Туда ему и дорога. Зря ты его вообще спасал.

Он ещё немного поворчал, а потом вдруг спросил:

— Ты сказал, что ты третий. А кто же был вторым?

При упоминании об этом человеке Сюй Шэнъи помрачнел:

— Второй брат не дожил и до десяти лет – тоже утонул.

— Ого, — присвистнул Фан Наньшань. — Значит, в старшей ветви не осталось наследников-мужчин.

Сюй Шэнъи кивнул:

— Вот почему Чжан Хэсян начала горстями пить снадобья, чтобы зачать. В итоге родила двойню.

Теперь Фан Наньшань окончательно понял, зачем Сюй Шэнъи затеял разорение винокурни.

В старшей ветви подрастала двойня.

Пусть сейчас они малы, но что будет через пять-шесть, семь-восемь лет?

Они всё равно придут требовать свою долю.

К тому же в документах на владение винокурней значилось имя Сюй Синдэ.

Даже если эти дети окажутся бестолковыми и не смогут забрать дело, пока винокурня работает – Сюй Шэнъи обязан отдавать долю прибыли их семье.

Получалось, что все его труды и бессонные ночи идут на благо тех, кто его ненавидит.

Хорошо ещё, что Сюй Шэнъи не согласился взять в примачи того Чжан Яньчжэня.

Иначе винокурня в итоге всё равно перешла бы к старшей ветви.

Вспомнив о Чжан Яньчжэне, Фан Наньшань спросил:

— Муж мой, они ведь всё время пытались распорядиться твоим браком? И ты был вынужден устроить это сватовство с шаром, чтобы спастись?

Сюй Шэнъи подтвердил:

— Когда Сюй Хэн слег, дядя испугался, что всё дело перейдет ко мне. Поэтому он во что бы то ни стало хотел выдать меня за «своего» человека.

Фан Наньшань не сомневался, что Сюй Синдэ, при его-то характере, способен на любую подлость.

Например, причинить вред самому Сюй Шэнъи.

— Они пытались тебе навредить?

Сюй Шэнъи снова опустил глаза:

— Однажды подмешали мне в чай зелье, хотели силой заставить меня согласиться на их условия. Но, к счастью, младшие братья помогли мне выбраться из той переделки.

Фан Наньшань сжал кулаки:

— Скоты. При следующей встрече я им кости пересчитаю.

Сюй Шэнъи коснулся его руки:

— Наньшань, этот план с закрытием винокурни я вынашивал годами. Даже младшим ничего не говорил. Я открылся тебе сегодня не для того, чтобы использовать тебя в своих целях.

Он прислонился головой к его плечу:

— Мне просто хотелось, чтобы в трудную минуту мне было с кем посоветоваться.

Фан Наньшань с нежностью сжал его ладонь.

— Ты всё правильно делаешь. Закроем мы эту лавочку, и дело с концом.

<http://bllate.org/book/19020/1869939>